

Надежда

- Мишка, иди сюда! Смотри, какой страшный!

Он поднял большую лобастую голову, выискивая в плотной толпе, обступившей клетку, владелицу столь пронзительного голоса.

- Смотри, смотри, какой злой!

На самом деле он просто чертовски устал. Устал от этой толпы, от бесцеремонных взглядов, с утра до вечера преследующих его. Устал от несъедобных кусков белой рыхлой массы, которые посетители с завидным постоянством метали в него, норовя попасть прямо в лицо.

Собственно говоря, за столько времени он уже привык ко всему.

Но этот визгливый голос, от которого едва не взрывалась голова... Да что же она так орет...

Он сел и уставился на толпу, переводя взгляд с одного лица на другое. Обычно это помогало. Встретившись с его глазами, люди, как правило, теряли интерес и уходили дразнить мартышек или кормить пони, благодарно фыркаящих в ладонь. И то правда, на что тут смотреть? Даром что редкий зверь: табличка возле клетки оповещала, что «ученые до сих пор спорят, к какому виду отнести это животное», но смотреть-то ведь не на что. Ни тебе красной задницы, ни длинной шеи, ни шкуры в полоску. Так себе зверь, нечто вроде плешивого медведя, никакого интереса.

Люди, притихнув, расходились, даже не догадываясь, почему.

Вот и сегодня толпа перед клеткой стала рассеиваться.

- Мишка, пошли верблюда кормить!

И вдруг он увидел мальчика.

Мальчик в полосатой майке стоял, вцепившись двумя руками в решетку, и смотрел на него огромными внимательными глазами. И даже не думал уходить. «Кто ты? - Ребенок заглядывал ему прямо в лицо. - Ты настоящий? Ты вправду настоящий?»

- Мишка, пойдем, мартышки ждут!

Женщина в ярко-розовой хламиде настойчиво пыталась оторвать ручки малыша от решетки, но он по-прежнему смотрел в упор прямо в лицо, ожидая ответа.

«Неужели!» Он не смел поверить, боясь очередного - которого по счету - разочарования. Неужели этот мальчик и впрямь почувствовал в нем не зверя, но личность?

- Мишка, ну пошли уже! - В визгливом голосе появились нотки раздражения. - Не будешь слушаться, мороженого не получишь!

Мальчик перевел взгляд на женщину в розовом:

- Мама, я хочу тут постоять.

Тихий, едва слышный голосок, однако, возымел результат, женщина сдалась:

- Хорошо, стой. Я пока тут посижу.

И она устроилась на длинной скамье возле клумбы.

Остальные посетители тоже разбрелись по зоопарку, у решетки остался только мальчик.

Он подошел поближе, все еще боясь поверить, что случившееся может быть правдой. Наверное, ему все-таки показалось. Но нет, малыш задавал вопрос именно ему, глаза в глаза:

- Как тебя зовут?

Боже мой! Этот ребенок спрашивает его имя! Мыслимое ли дело - никто и никогда на этой планете не интересовался его именем.

- Меня зовут Кудла.

- Кто ты? Кто ты такой?
 - Я эртог. Эртог с планеты Вуул.
 - Это далеко?
 - Да, малыш. Это очень далеко.
 - Покажи мне. - Большие детские глаза смотрели прямо в душу.
- И Кудла решился.

Он представил себе звездную карту. Ту самую, трехмерную карту, что сверкала на потолке рубки его корабля. Карта висела в пространстве, постепенно поворачиваясь, чтобы можно было разглядеть ее всю. Затем внизу сбоку на ней зажегся нежно-голубой огонек.

- Это твоя планета, малыш.
- Я знаю. - Ребенок кивнул. - Я живу на планете Земля. И меня зовут Мишка. А где твой дом?

Кудла повернул карту так, чтобы показались с детства знакомые очертания двух солнц, вокруг которых крутилась целая система планет. Одна из них - его родная Вуул - зажглась теплым желтым светом.

- Далеко. - Малыш снова кивнул. - А зачем ты здесь?
- Я картограф. Моя работа - делать звездные карты...

От желтой точки потянулась тонкая линия. Время от времени линия меняла направление, оставляя за собой сложный, нанесенный на карту маршрут. Эртог уселся поудобнее, вспоминая.

Все шло очень хорошо. Можно даже сказать, просто отлично. Он был прав, расчеты раз за разом подтверждались, и на карте появлялись новые, им открытые планеты. Несколько раз он благополучно разминулся с метеоритным роем, а однажды удачно увернулся от кометы, волочившей за собой блестящий газовый шлейф.

Он так и не понял, что произошло. Но в какой-то момент корабль тряхнуло так, что казалось, его вытряхнет не просто из кресла, а вообще из обшивки. Раздалась бешеная какофония сошедших с ума приборов, и корабль, крутясь словно на гигантской карусели, полетел в бездну.

Очнулся он от невообразимого холода. Защитный кокон спас его в момент жесткого приземления, но уберечь от холода, конечно, не мог. Выпутавшись из подушек и тросов, Кудла огляделся. Судя по всему, корабль, неуправляемо летевший вниз, окончательно разбился об одну из скал, в изобилии покрывающих гору. Обломки рассеялись по округе, лишая его даже малейшего шанса собрать корабль.

Все пропало. Но осталась жизнь

Кудла принял решение и начал аккуратно спускаться вниз, надеясь встретить помощь.

Мама, задремавшая на скамейке, не видела, как ее Мишка, вцепившись детской ручонкой в решетку, другой утирает слезы, глядя на скитания эртога.

Ему удалось спуститься с гор и устроиться возле какого-то озера, питаясь листьями деревьев и рыбой. Там его и нашла группа альпинистов. Потом, после того как альпинисты в страхе разбежались, так и не начав восхождение, к озеру прибыла другая группа. Кудла очень надеялся, что его поймут, но охотники, как оказалось, умели только ставить сети и капканы.

- Так я оказался здесь. - Существо, похожее на плешивого медведя, улеглось, положив лобастую голову на лапы.

- И давно ты тут? - Детские глаза были полны слез.
- Давно. - Кудла вздохнул. На табличке, прикрепленной к решетке, значилось:
«Старейший обитатель зоопарка».
- А ты... - Мальчик замешкался, стесняясь задать очевидный вопрос.
Пришлось прийти на помощь:
- Не умру. Мы, эртоги, живем очень долго.
- Это хорошо. - Мишка кивнул в ответ собственным мыслям. - Мне надо вырасти.
Когда я стану большим, я вернусь к тебе, и мы что-нибудь придумаем. Я
обязательно вернусь к тебе, Кудла!

- Мишка, ну ты намечтался уже? - раздался голос со скамейки. - Пойдем есть
мороженое.
Кудла смотрел, как полосатый мальчик идет по аллее, держа за руку женщину в
розовом.
Теперь у него появилась надежда. Эртоги живут долго.
А Мишка вырастет и обязательно придет на помощь.

Волшебство

Посвящается Елене Шевченко

Крылья от усталости просто гудели.

Она уселась на ветку и, глубоко вздохнув, оглядела результат своего труда: волшебство сотворилось безупречным.

Разноцветное панно, развернувшееся на фоне голубого летнего неба, мерцало в точности так, как ее прозрачные, дробно искрящиеся под солнцем крылья. Каждое дуновение ветерка, едва коснувшись сотворенного ею чуда, извлекало из него звук. Сначала легкое стакато шепотом, похожим на шелест осоки в дюнах, рассыпалось вместе с мириадами бликов. А чуть позже начинали звучать скрипки, раздвигая пространство почти до бесконечности, пока не вступал гобой. Он замыкал звук, возвращая мерцающей пелене глубину. А скрипки не умолкали. Они вели волшебную мелодию, увлекая за собой альты и виолончели. Гобой же вторил саксофон, вдруг, внезапно, перетягивавший на себя мелодию, словно одеяло. А потом опять по небу рассыпался искрящийся трепет стакато. Это было невероятно прекрасно.

Она любовалась собственным чудом и даже немножко гордилась им. Дивная песня будет мерцать и звучать, пока полуденное солнце не высушит мельчайшие капельки воды, причудливо сплетенные в волшебство.

Она посмотрела вниз, на город. Почему-то кроме нее никто больше не любовался чудом. Существа, торопливо снующие по узким улочкам, были слишком обременены поклажей или заняты своими насущными делами. У них не находилось ни единой минутки, чтобы поднять голову и посмотреть на то, что творится в небе.

Она вздохнула: «Пора улетать. Видимо, они не могут или не хотят верить в чудеса. Но где-то непременно должны найтись те, для кого мое волшебство станет подарком судьбы».

И, взмахнув отдохнувшими крыльями, она полетела за горизонт.

Лишь один муравей на секунду поднял голову, чтобы посмотреть, куда улетает эта непонятная сине-зеленая стрекоза. Затем он вновь сомкнул жвала на жирной гусенице: скоро зима, и гусеница, в отличие от небесной музыки, пригодится.

Возвращение

Он запер дверь и поставил на пол выдавший виды чемодан.

- Ну, здравствуйте этому дому, - произнес он, соблюдая традицию, хотя ответа не ждал.

Дом, дождавшийся наконец хозяина, наверное, был рад, но ответить, конечно, не мог. А больше отвечать было некому.

Он открыл чемодан, чтобы достать тапки. На другое попросту не хватало сил: перелет, потом затянувшееся ожидание в аэропорту и снова перелет... «Кто угодно устанет», - подумал он.

Застелив кровать чистым бельем и наскоро приняв душ, он опрокинулся в глубокий сон.

Разбудил его запах кофе. «Приснилось», - решил он.

И то правда, кто бы мог молотить кофе, если в доме никого нет?

Раньше, в прежние времена, Маринка, зная его привычки, непременно смолочила бы его любимый Colombia Excelso. Но чего нет, того нет. Они расстались два года назад, и, если бы не запах, он, пожалуй, и вовсе бы ее не вспомнил. По Маринке он не скучал. Жалко только, что она унесла с собой кошку. Но, с другой стороны, по-иному все равно бы не вышло. Никакая кошка не может выжить одна в доме, пока он мотается по своим экспедициям.

«Пора вставать». - И Феликс отправился в душ.

Это тоже было частью традиции. Возвращаясь из экспедиции, он намывался так, словно пришел с угольных копей. Мылился, смывался, подставляя под тугие струи голову, плечи, бока, чтобы о них разбивались горячие капли, фыркал от удовольствия и вновь намыливался, долго и со вкусом.

Маринка никогда его не понимала. «Грехи смываешь», - говорила.

Конечно, он мужчина и вовсе не свят. За пять месяцев экспедиции могло иногда случиться всякое. Но что бы она ни говорила, смывал он вовсе не грехи, а весь кочевой дух экспедиции, запахи брезентовой палатки, биотуалета, который все равно так любили мухи, костра, дым которого, казалось, въелся навсегда в каждую пору, пыль, летящую под степным ветром, волчий вой, доносившийся по ночам...

Все это требовалось смыть немедленно, возвращаясь домой и становясь тем, кем ему предстояло быть следующие семь или восемь месяцев домашней жизни: профессором-антропологом Феликсом Рыковым.

До следующей экспедиции он будет сидеть в своем кабинете и постарается дописать монографию - материала для нее в этот раз удалось собрать более чем достаточно. Время от времени он будет выступать перед студентами. А когда они закончат сортировать добычу - всевозможные артефакты, многие из которых, он уверен, подтвердят его теорию, - он выступит в академии и напишет статью в журнал «Science». И может быть, успеет выступить на конференции. Если, конечно, ее догадаются организовать вовремя, а не тогда, когда он снова будет сидеть возле очередного кургана, весь пропахший потом и пылью.

Феликс смывал с себя кочевника.

Наконец он, окутанный клубами пара, вышел из ванной.

Теперь ему полагался утренний кофе.

Шаркая тапками и на ходу вытирая голову полотенцем, он сначала услышал запах, знакомый с детства. Так пахли бабушкины пончики. Не те, до тошноты ровные фабричные донатсы, покрытые синтетического цвета глазурью, а настоящие - корявые, сочащиеся маслом и присыпанные сверху сахарной пудрой.

«Ну что, Феликс, впадаешь в детство», - подумал он, решив, что запах ему причудился. Но нет. На столе действительно стояла тарелка с пончиками,

издающими тот самый умопомрачительный запах. Феликс в растерянности заозирался, но не обнаружил ничего, кроме кем-то включенной кофе-машины, с шипением извергавшей его любимой Colombia Excelso.

- Кто здесь? - Феликс выскочил в коридор и, едва не теряя тапки, заметался по дому.

«Неужели Маринка?» - мелькнула было шальная мысль, но, устыдившись, немедленно исчезла. Во-первых, у Маринки не осталось ключей. После той сцены, когда они окончательно расстались, ни о каких ключах не могло быть и речи. А во-вторых, никогда, даже в лучшие времена Маринка не готовила для него пончики. «Вредно для фигуры» - это жизненное кредо оправдывало ее нелюбовь к готовке. Да и никто, кроме бабушки, и близко не мог создать те самые пончики. Но бабушка осталась в далеком детстве.

Обойдя весь дом, включая кладовку, Феликс не обнаружил никого.

Он вернулся на кухню, где по-прежнему на тарелке лежали чуть остывшие пончики. На кофе-машине стояла ароматная чашка кофе. С пенкой.

«Ну и черт с ним!» - в сердцах решил Феликс и уселся за стол.

Кто бы ни сыграл с ним эту шутку, но отказываться от пончиков и кофе явно не имело смысла. «Потом все само выяснится», - подумал он и отважно откусил первый кусок. Это было просто божественно! Именно такой толщины должна быть корочка, именно так она должна хрустеть, когда зубы вонзаются в сочную мякоть. И сахарной пудры тоже было ровно столько, сколько надо...

Пенка кофе имела едва ощутимый винно-дымный вкус, как и положено Colombia Excelso. Он умял полную тарелку.

Кто бы ни разыгрывал его, надо признать, розыгрыш вышел на славу.

Помыв посуду, Феликс решил переодеться. Мало ли кому придется говорить спасибо за столь шикарный завтрак - не делать же это в халате.

Облаченный в домашние мягкие брюки и любимую толстовку, он отправился распаковывать брошенный под дверь чемодан. Однако неизвестный доброжелатель и тут постарался: чемодан был пуст. То есть пуст абсолютно. Феликс прислушался.

Если в доме кто-то и был, то ничем себя не выдал: не скрипела ни единая половица, ничто не шуршало, не двигалось и не издавало звуков. Дом, как и Феликс, замер в ожидании.

- Кто здесь? - Вопрос вновь остался без ответа.

Подняв чемодан на антресоли, Феликс заглянул в прачечную.

Нет, шутка переходила всяческие границы: пропахшая потом и пылью курганов одежда, аккуратно выстиранная, висела на сушилке. Походные башмаки тоже стояли неподалеку, вычищенные и, судя по запаху, обработанные дезодорантом. Кто бы ни хозяйничал в доме, делал он это отменно.

Почесав загривок под изрядно отросшими волосами, Феликс решил отправиться в кабинет. Он включит компьютер и закажет себе продукты. После того, как они расстались с Маринкой, он пару раз съездил сам в супермаркет, но быстро понял, что удовольствия от хождения среди прилавков и витрин не испытывает.

Потратив на исследования почти сорок минут, он отыскал службу доставки, раз и навсегда избавив себя от необходимости поиска продуктов.

За окном забарабанил дождь.

Дом, словно старый ревматик, заскрипел под октябрьской бурей. Отопление отоплением, но Феликсу показалось, что камин ему вовсе не помешает. В конце концов, что может быть лучше для профессора, вернувшегося после долгой и трудной экспедиции, чем усесться в кабинете возле камина с любимой трубкой и подумать о своей будущей монографии?

Хорошо просушенные поленья разгорелись с первой попытки, и огонь запылал, бросая причудливые отблески на потолок, стены и полки, сплошь уставленные всевозможными экспонатами.

Феликс придвинул поближе любимое кресло и, набив трубку, уселся, вытянув ноги в сторону камина.

Вот теперь он точно дома.

Не хватало только кошки.

Вдруг ему показалось, что на полке над камином что-то шевельнулось.

Возможно, это была всего лишь игра теней, но он встал, чтобы присмотреться поближе. Удивительно, но там среди прочих артефактов, привезенных из прошлых походов, стояла кукла. Та самая кукла, которую - он это отчетливо помнил - он положил в чемодан именно для того, чтобы привезти трофей и из этой экспедиции. Так уж сложилась традиция. Все артефакты исправно упаковывались в ящики и ехали в институт, а там уже всесторонне изучались, как и положено по науке. Все, кроме чего-нибудь одного, занимавшего свое место на полке над камином как память о пережитом приключении.

В этот раз он привез куклу. Глиняная фигурка, по всей видимости, создавалась для того, чтобы тетешкать какого-нибудь ребенка. Ни ее автора, ни того ребенка, ни даже их дома уже давным-давно не было и в помине, а вот на тебе - фигурка, найденная среди черепков битой посуды и прочей утвари, сохранилась прекрасно, и Феликс счел ее вполне достойным дополнением к коллекции. Удивительно, но тот, кто достал ее из чемодана и поставил на полку, должно быть, очень хорошо знал хозяина дома и его привычки. Именно туда Феликс ее и поставил бы.

Кукла стояла, и отсветы огня играли на ней причудливый танец.

Бездумно он протянул руку.

Фигурка оказалась удивительно теплой и даже какой-то бархатной на ощупь.

Похоже, сегодняшний день был днем чудес. Потому что, едва он провел пальцем по глиняной поверхности, фигурка заговорила.

- Здравствуй, хозяин. - Голос зазвучал прямо в его голове, и Феликс чуть не выронил куклу.

«Мистика какая-то», - мелькнула мысль, но он вовремя вспомнил, что он профессор. Он решил присесть и понаблюдать, что будет дальше. В конце концов, если окажется, что он сходит с ума, то, может быть, он еще успеет написать об этом статью.

- Ты кто? - Задавать вопрос кукле представлялось глупым - но, с другой стороны, какие еще есть возможности понять, что происходит?

Удивительно, но кукла ответила. То есть, конечно, глиняный рот не задвигался и слова не зазвучали. Однако мысленным взором Феликс отчетливо наблюдал историю фигурки.

Она оказалась вовсе не детской игрушкой.

Акама, дух дома, была создана могучим шаманом Биру для великого вождя Анду. В те суровые времена, когда банды диких кочевников то и дело налетали как саранча, великому вождю приходилось очень усердно защищать свои территории. Порой его многие месяцы не бывало дома. Народ процветал под защитой, но вот у самого вождя возникла большая проблема: жены никак не соглашались ждать его столь долгое время. Уже не одна жена бросила мужний дом, чтобы вернуться к родителям. А что делать? Все знают, что женщине нужен мужчина, и никто не может обвинить ту жену, которая ищет себе постоянного супруга, не занятого войнами. Охраняя племя, Анду вынужден был раз за разом возвращаться в опустевший дом, где его никто не ждал. Разумеется, любой мужчина племени

почел бы за честь, если бы вождь разделил постель с его женой. Но кроме постели мужчине от женщины надо и другое. А этого-то у Андун и не было. Могучий шаман Биру долго размышлял, как помочь Андуну. Много недель он бил в бубен, призывая силы земли и неба на помощь. И в конце концов труд его увенчался успехом, ибо из глины, огня и звука бубна появилась Акама - дух дома. Именно она теперь и до скончания веков отвечала за то, чтобы в доме вождя Андун или того, кто придет после него, всегда пахло жильем, горел очаг и были еда и питье.

Акама оберегала дом Андун, а потом - дом следующего вождя, и следующего... Вожди, их жены и дети менялись, а Акама была всегда. Ровно до того дня, как кочевники невероятной, изрыгающей горящие стрелы тучей не налетели на их дом. Сгорело все. И в живых тоже не осталось никого, кто мог бы построить новый дом и откопать из песка и глины ее, Акаму.

Так было до тех пор, пока новый хозяин не достал ее из-под обломков и не отряхнул с нее прах прошлого мягкой кистью. Потом она долго лежала в запертом ящике. Вероятно, новому хозяину не нужна была ее помощь.

Потом ящик долго трясло и болтало в очень холодном месте, а потом - хозяин его открыл. И Акама поняла, что настало ее время: у нее теперь есть новый дом.

Пока хозяин спал, она с усердием изучила жилище. Этот дом совсем не похож на те, где она жила прежде, но она будет изо всех сил стараться, чтобы у ее нового хозяина всегда пахло жильем и были еда и питье.

Феликс слушал, и рот его все шире расползался в улыбке. Сколь бы невероятным ни казался этот рассказ, но кофе и пончики вовсе не были розыгрышем.

Как и чистое, вкусно пахнущее белье.

А главное, теперь он точно сможет завести себе кошку!